

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

ГОЛУБИ НАД ШУШОЙ И АЗАН НАД КАРАБАХОМ

Начиная читать повесть Эйюба Гияса «Последний идол», я не предполагала писать о ней. Но прочтя последние ее страницы, поняла, что не смогу не сделать этого.

Первоначально я читала повесть просто как историю жизни Голубятника Мамедаги, отсидевшего 28 лет в тюрьме и начавшего, вернувшись из нее, решать во дворе, где он родился и вырос, «вопросы» по своему видению и усмотрению, привычными и понятными ему способами.

Сел Мамедага за то, что пырнул ножом одного из своих дворовых товарищей. Сел на восемь лет. В тюрьме совершил еще одно преступление, затем еще одно, каждый раз прибавляя к основному новый срок. Всего «набежало» 28 лет, которые он отсидел от звонка до звонка, и вот, наконец, вернулся. Страстный любитель голубей, за что и получил кличку Голубятник, он обнаружил, что его старая голубятня исчезла, а на ее месте стоит новенький, сверкающий витринами супермаркет.

Решив «разобраться» с Руфатом, которого ударил когда-то ножом, он узнает, что того оговорил соседский мальчишка, армянин Артурик. Мамедага решает разыскать Артурика, который больше не живет в их дворе, и разобраться с ним. «Если тот «петух» еще жив, обязательно найду и казнь его», – говорит он.

Из разговора с Мухтаром, с которым Мамедага также желает «разобраться», так как тот поставил магазин на месте его голубятни, он узнает, что Мухтар – беженец из одного из оккупированных районов. Мухтар жалуется на поборы со стороны местной криминальной братии, и Мамедага решает стать его «крышей», обговорив проблему со знакомыми блатными.

Казалось бы, обычный криминальный сюжет и однозначно отрицательный герой-уголовник – блатной, привыкший решать проблемы «по понятиям». Но вчитываясь в произведение, начинаешь понимать, что все совсем не так однозначно, и что само произведение и происходящие в нем события имеют свою подоплеку, свои, не сразу, быть может, видимые подземные пласты и течения. И вся рассказанная в повести история – история не только, и, пожалуй, даже не столько история Мамедаги, а история времени, в котором он жил – а жил он в период, когда зарождался и разгорался так называемый «карабахский конфликт».

... Но давайте вернемся к самому началу. У парня, страстного голубятника, пытались украсть любимых голубей. Не вышло. Но потом из его голубятни все же пропал любимый голубь. Соседский мальчишка, армянин Артурик, шепнул ему, что это сделал друг Мамедаги Руфат. Возмущенный «предательством» друга, Мамедага ударяет его ножом, за что и попадает в тюрьму. А теперь вот узнает, что Артурик солгал. А, возможно, и сам украл этих голубей...

Артурик – истинный представитель своей нации, в нем сосредоточены все ее «лучшие» черты – зависть, трусость и подлость. Поверив ему, Мамедага проявил излишнюю доверчивость, не допуская даже мысли, что кто-то может так нагло врать, позабыв о том, что говорил ребятам их участковый милиционер Мурсал, когда Артурик «заложил» ему ребят со двора: «Никогда не затевайте с ними (армянами) никаких дел – предадут и продадут».

Хочу сразу сказать, что я всегда была противницей того, чтобы осуждать какую-то нацию в целом, всегда считала, что в каждой нации есть и хорошие, и плохие люди, а «плохой нации» – не бывает. Считаю так и сейчас.

Но насмотревшись и наслушавшись о «подвигах» «многострадальных», о том, что на протяжении веков они творили и продолжают творить, я невольно начинаю думать иначе... Во всяком случае, такого количества выродков, как у них, нет, наверное, больше ни у кого. Вспомните хотя бы изверга и подонка Зория Балаяна, смакующего в одном из своих «произведений», как он истязал и убивал азербайджанского ребенка... И таких примеров мы видим множество у армянских сепаратистов, на фоне которых бледно выглядят даже фашисты с их газовыми камерами – то ли дело привычка армянских живодеров отрезать своим жертвам головы, груди, вспаривать животы. И, заметьте, творят такое не армянские уголовники, а вошедшие в раж ненависти обычные граждане...

И все же, конечно, я не говорю об армянской нации в целом. Но на виду, как известно, всегда то, что «плавает на поверхности». А на поверхности всегда плавают... сами знаете, что. И зачастую это «плавающее на поверхности» и создает впечатление обо всей нации...

Оккупировав пятую часть территории своих соседей – азербайджанцев, изгнав их с исконных земель Азербайджана, «многострадальные» претендуют теперь на территории Сочи, Краснодарского края, Ставрополя и многих других чужих земель, которые они активно заселяют. Заметьте, все это – самые «лакомые кусочки», лучшие земли, с теплым климатом, плодородной землей, желательной с выходом к морю... А доверчивые россияне спокойно наблюдают за этим, позабыв сказанные еще более 200 лет назад слова своего великого соотечественника, Александра Сергеевича Пушкина: «Ты трус, ты раб, ты армянин!». Мамедага говорит Артуру, что придет время, и в мире хуже любого матерного, самого оскорбительного слова будет слово «армянин». Такие времена уже были. И, похоже, уже очень скоро наступят снова. Если только армянский народ не отбросит в сторону всю ту накипь, что собралась на поверхности армянского общества...

В повести вспоминаются и трагические события в Сумгайите, где и происходят все описываемые события. Как уже доказано, события эти были спровоцированы уголовником-армянином. Во время тех событий многие азербайджанцы, рискуя своим благополучием, а иногда и жизнями, спасали армянские семьи, прятали их у себя. Как спрятала у себя в ванной комнате две армянские семьи из 11 человек мать Мамедаги, Зибейда. И спасла им тем самым жизни. Одной из этих семей была семья Артура. Но представители «самой древней и многострадальной нации на земле» не знают благодарности – отец Артура, Борис, заявил впоследствии, что он прятался вовсе не у соседки, а в подвале, добавив при этом, что у них пропало золото и обвинив в этом... Зибейду! Чудовищно! Впрочем, не более чудовищно, чем то, что армянские боевики творили в Кафане, в Ходжалы и на остальных оккупированных территориях. Не более чудовищно, чем то, что во время нынешней Карабахской войны «лучшие представители нации» посылали на фронт, под пули, своих же граждан – 14-летних подростков, женщин и детей, отказывались забирать своих пленных и убитых на поле боя... Отказались даже забрать к себе больного 84-летнего старика-армянина... Гораздо милосерднее по отношению к старику оказались так ненавидимые ими азербайджанцы...

Или еще пример, совсем свежий. По свидетельству очевидца – армянина, когда армяне сдавали Джебраил, во время отступления один из армянских генералов остановил ехавшую в тыл «скорую», вышвырнул из нее раненого солдата и укатил на ней сам. Удирать именно на «скорой» он решил потому, что знал: азербайджанцы не стреляют в гражданские объекты. Чего никак не скажешь об армянах, которые вели обстрел и школ, и больниц на оккупированных ими землях, обстреливали дома мирных жителей в карабахских селах и даже мирные города на неоккупированных территориях – на их совести десятки убитых детей, женщин, стариков в Гяндже, Барде, Мингячевире...

Но тут, наверное, пора перейти к теме «последнего идола». Собственно, именно она и «зацепила» меня в повести. Итак, в первый же день после возвращения из тюрьмы Мамедага увидел во сне древнего идола. Потом идол снился ему не раз, это чем-то тревожило, беспокоило Мамедагу, заставляло его нервничать. Но прошло время, и идол перестал ему сниться. И вот вдруг его друг Руфат рассказывает ему о каких-то звонках «с того света» и о том, что чей-то голос поведал ему о двух идолах, хранящихся где-то на местном кладбище, и если их найдут, то это будет большим историческим событием. Идолы эти абсолютно идентичны, разница лишь в том, что у одного руки связаны, а у второго – развязаны. Сейчас одного идола уже нашли. Какого из двух – Руфату не сказали, а когда он спросил, находка какого из идолов будет нам на пользу, связь прервалась. «Но там должен быть еще один идол, – твердил Руфат, – и его обязательно надо найти!». Мамедага сперва отнесся к рассказу с иронией: «Я думал, ты умный», – сказал он Руфату, выслушав его.

Но вскоре Мамедага увидел найденного на кладбище идола по телевизору – это был тот самый идол, которого он видел во сне в первый день своего возвращения из тюрьмы – во сне он пытался собрать осколки рассыпавшегося в прах идола, но они растворялись под шедшим над ними ливнем и уходили в землю...

Звонок из прошлого услышал и брат Мамедаги Ильгар, и после этого повесился. Что сказал ему неизвестный голос? Вот как говорит об этом Руфат: «Ильгар должен был повеситься. Звонили ему, но он не взял трубку, а я поднял, и голос говорил со мной»...

И еще он скажет Мамедаге: «Ты поедешь в Шушу обязательно. Но ты останешься в ней навсегда». Когда Руфат говорил это, Мамедага увидел, что он стал похож на того идола, что он видел во сне. Вернее, Руфат был им...

Ильгар – старший брат Мамедаги. Вполне благополучный, работавший на хороших должностях – в отличие от Мамедаги, большую часть жизни проведенного в тюрьмах. Но при этом – равнодушный, эгоистичный, думающий только о себе и своей карьере. Человек без корней – ему не нужны ни мать, ни брат, ни собственная семья. К матери он не заглянул ни разу за много лет, от брата отрекся, даже на похороны отца не явился. Ему никто не был нужен, он в жизни никому не помог, никому не принес пользы. И, уж конечно, ему чужды стремление к справедливости, борьба за нее. Он никогда не поехал бы, как его брат, в оккупированную Шушу для того, чтобы еще раз увидеть ее, вдохнуть ее воздух и оставить там древнего идола азербайджанской земли – как ее оберег, ее символ. Ильгар не нужен был никому – ни семье, ни родине, и поэтому ему ничего не оставалось, кроме как покинуть этот мир.

Мамедага – словно и не брат ему. Жизнь Мамедаги сложилась тяжело. Он ее почти и не видел – настоящей жизни. Жизни на свободе. Но в его сердце живут и любовь к матери, и сочувствие к беженцу Мухтару, Руфату и даже к Ильгару. И – желание, как умеет, помочь им. Ему свойственны и обостренное чувство справедливости, и горячность, из-за которых он и пострадал когда-то, и чувство любви к родине. Поэтому и решил он с риском для жизни, пусть даже ценой своей жизни, но пробраться в древний город-крепость Шушу и совершить задуманное. А задумал Мамедага водрузить на одной из высоких точек Шуши древнего идола азербайджанской земли.

Пришел он к этому не сразу. Вернувшись из тюрьмы, Мамедага внимательно наблюдал, что происходит вокруг, и, в отличие от своего брата Ильгара, не мог оставаться к этому равнодушным. В камерке старого могильщика на кладбище он слушал вместе с ним в новостях все то же: «Оккупация азербайджанских земель продолжается»...

Иногда он видел сон, в котором на любимом своем голубе он парит над Карабахом, опускается на горные вершины Шуши, Лачина, Кельбаджара, ходит по горным тропам. Он тосковал о тех местах, ведь все это были его земли, земли его страны, но он не мог увидеть их наяву, мог об этом только мечтать, ведь эти земли были заняты

армянами. И они нуждались в свободе, как и он когда-то – когда был в тюрьме, когда у него были «связаны руки». Мамедага находился сейчас на свободе, и ему хотелось свободы и для этих земель.

Но как добиться этого? Он слышит иногда разговоры о войне: «Рано или поздно без войны не обойтись», – говорит старик-могильщик одному из своих гостей, Мардану, и Мамедага слышит это. Он и сам понимает, что иначе земли не освободить, армяне никогда не отдадут их добром, хотя и есть на этот счет всевозможные решения и договоренности соответствующих международных структур.

Мамедага начинает читать газеты – пачки газет, которые ему приносит Руфат. Начинает «политизироваться», глубже вникать в то, что происходит вокруг. Он видит, что многочисленные оппозиционные партии, существовавшие тогда в Азербайджане, только и могут, что грызться между собой, а вечерами вместе собираться на застолья, и толку от них ждать не приходится. Однажды в разговоре с Руфатом он сказал: «В этой стране сегодня есть практически все партии, но нет лишь одной – партии настоящих мужчин». И внес свои предложения по возвращению Карабаха – он предложил создать на оккупированных территориях партизанское движение. «Я уверен, – говорил Мамедага, – что если армяне узнают о партизанском движении, они сразу наложат в штаны»...

Мамедага давно начал поиски Артурика. Сперва – чтобы наказать его, отомстить. Но потом его цели изменились. Найти адрес Артурика ему помог Руфат. Артурик пребывал теперь в Ленинграде, и Мамедага решает поехать туда.

Перед отъездом он говорит Мухтару: «Я уезжаю. Я не знаю, как ты это сделаешь, но изготвь и пришли мне копию недавно найденного на кладбище идола и двух моих голубей. Скорее всего, это моя последняя просьба. Если с мамой что-то случится, похорони ее»...

Явившись к Артуру, Мамедага говорит ему: «Повези меня в Карабах. Я хочу увидеть Шушу, хочу остаться там и изгнать оттуда ваших».

К Артуру он обращается с такой просьбой неслучайно – у того была родня в Степанакерте, и он не раз отдыхал там у своего дяди Аршевила. Кстати, образ Аршевила – напоминание автора о том, что среди армян есть порядочные люди и, хочется верить, их немало. Когда начались карабахские события, Аршевил, видя, что творят его собратья, отправил все свое семейство – детей и внуков – в Воронеж, сказав им: «Уезжайте отсюда. Там, где белое называют черным, жить нельзя. Я не мусульманин, но знаю одно: Аллах един, и он для всех. В чужом доме можно быть только гостем»... Он остался в доме со своей женой. А однажды ночью лег и не проснулся. Ему было стыдно за то, что происходит. И он лег и умер...

Итак, вскоре Мамедага, шурин его питерского друга Таира Виктор, а также знакомые Мамедаги – грузин Тенгиз и дагестанец Нурахмед под видом группы журналистов, пишущих для российского издания о Карабахе, выехали в Ереван, затем в Ханкенди и оттуда – в Шушу.

...В Шуше шел снег. Группа «журналистов» во главе с Мамедагой уже два дня находилась здесь и должна уже была ехать обратно. «Мамедага думал о том, что скоро идол будет стоять на самой высокой точке Шуши и, обозревая окрестности, словно будет говорить: «Все это принадлежит мне»...

Ночью Мамедага взял идола и пошел к точке, которую выбрал. Шестеро армян нагнали его у цели. Это были крестьяне, местные, с которыми группа накануне делила хлеб-соль. А теперь они нагнали его у вершины. Среди них был Сумбат, который узнал его сразу, как только увидел – они сидели с ним когда-то в тюрьме. С ними был и Артурик. Они начали избивать Мамедагу. Идола он бросил в снег, чтоб армяне не видели. В какой-то момент, когда его совсем уже одолели, Мамедага схватил идола и ударил им Сумбата по голове. Тот упал, но потом вскочил, выхватил нож и отсек Мамедаге голову, пинком столкнув ее со склона...

Утром из палатки вынесли еще три трупа – грузина Тенгиза, дагестанца Нурахмеда и Виктора. Артурик ногой пинал голову Мамедаги. Потом поднялся выше, где лежал труп Мамедаги и, увидев его, остолбенел. Тело Мамедаги напоминало ему тело идола, которого он видел в каком-то фильме. Безголовое тело, лежавшее на одной из вершин Шуши, словно говорило Артуру: «Ты никогда не почувствуешь вкуса победы. А я познал его»...

Утром, когда первые лучи солнца осветили горные вершины, над бездыханным телом Мамедаги кружили два белых голубя...

«Говорят, что тот самый идол все еще там, в горах Шуши, на высотке. А еще говорят, что над горами Шуши постоянно летает стая голубей...»

...Вышло так, что последние страницы повести я читала на следующий день после взятия Шуши. А еще на следующий день, 10 ноября 2020 года, вторая Карабахская война закончилась. Закончилась нашей победой. Уверена, что именно взятие Шуши стало ключом к этой победе.

И мне подумалось, что это, наверное, неслучайно – то, что я закончила читать повесть именно сейчас: автор завершил ее написание в 2006 году, но как актуально она прозвучала именно в этот год и в этот день. На улицах Баку народ ликовал, праздновал возвращение Шуши, сигналили украшенные национальными флагами автомобили, звучали песни, люди скандировали: «Шуша, Шуша! Карабах!» Назавтра народ получит еще более радостное известие: война закончена, Карабах – наш!

А у меня перед глазами все еще будут стоять последние страницы повести, будут звучать последние ее строчки: «В горах Шуши лежал безголовый, с раскинутыми руками идол. Знающие люди говорили, что этот идол был последним святым памятником этих мест»...

А еще – слова, которые услышал в трубке Руфат, когда Мамедаги уже не было на этом свете, но из трубки телефона звучал его голос: «Все скоро кончится, очень скоро, и все скоро увидятся»...

Что хотел сказать Руфату и всем нам Мамедага? Трактовать можно по-разному, но в этот день мне хотелось трактовать так – скоро закончится оккупация наших земель...

Так что же это за голоса, звучащие в телефонной трубке? Руфат говорил Мамедаге, что это голоса с того света – голоса умерших, голоса наших предков, которые хотят нам что-то сказать, надо только взять трубку, чтобы услышать их...

Голос в трубке предсказал Ильгару смерть. Мамедаге – то, что он поедет в Шушу обязательно, но не вернется оттуда – об этом голос сказал Руфату.

А самому Мамедаге голос сказал: «Ты не от нас (ты не с нами), но мы нуждаемся в тебе, а ты – в нас».

Я понимаю это так: поскольку голоса в трубке – это голоса с того света, то Мамедаге тоже была предсказана смерть – ты еще не с нами, ты жив, но ты нам нужен, и ты скоро будешь с нами. Это нужно и нам, и тебе...

Голос предков призвал Мамедагу сделать то, что он и сделал: водрузил на вершину в Шуше идола – древнюю святыню, которая будет охранять Шушу и призывать нас туда. И – помогать... Может, и правда тот идол помог нашим солдатам взять Шушу. Ведь даже видные иностранные эксперты – военные спецы говорили о том, что взятие Шуши в тех условиях было невозможно: армяне с оружием в руках охраняли ее с трех сторон, оставив незащищенной лишь одну – совершенно неприступную сторону, где к городу-крепости был путь по высокой крутой скале, и этот путь считался непреодолимым. Но азербайджанские солдаты преодолели его, и сделали это всего за сутки – и это можно назвать чудом. Чудом мужества и воли к победе. Их звал к себе лежащий на самой высокой точке Шуши идол, и руки его не были связаны – они были раскинуты в стороны. Они были развязаны...

Я вижу в этом символ азербайджанского народа – руки его были теперь развязаны, и он смог, наконец, освободить свои земли, 28 лет назад захваченные армянами. А тот, другой идол, со связанными руками, остался в музее. Пусть он там и остается навсегда...

А азербайджанский народ будет реанимировать земли, освобожденные из-под оккупации. Земли, которые армяне засадили минами, изрыли окопами, разворотили снарядами... Земли эти нужно оживить, вылечить, дать им новую жизнь. Сейчас полные бессильной ненависти армяне добивают эту землю, как могут – уходя, они калечат, сжигают, вырубают, разворовывают все, что еще могут успеть. Они выжгли многие гектары реликтовых лесов Топханы, разрушили все, что только можно, – азербайджанские исторические и культурные памятники, у них поднялась рука даже на культовые сооружения: разрушены не только все мусульманские мечети, но и христианские храмы. Разрушены тысячи жилых домов, уничтожены коммуникации. Все это было сделано армянами, когда эти земли находились под их оккупацией, и они считали их «своими». Они продолжают считать их своими и сегодня, у них хватает наглости кричать, что Карабах и все семь оккупированных, а теперь возвращенных азербайджанцам районов, принадлежат им, армянам, а азербайджанская армия «оккупировала» их (!).

Поистине, лживость и наглость армян не имеет границ.

А теперь, когда армян выдворяют с захваченных ими территорий, они сжигают дома, которые им приходится оставить – не их дома, а дома азербайджанцев, в которых армяне жили, изгнав из них законных владельцев. И не только дома – они вырубают деревья, и не просто вырубают – все, что можно украсть, присвоить, они вывозят в Армению. Даже стволы и ветви срубленных деревьев...

Но не стоит больше о них – Бог все видит, и всем воздаст по делам их. Армян он наказывал уже не раз, правда, это их ничему не научило...

Раны, нанесенные земле армянами, залечивать придется нам. И мы это сделаем. И сделаем с радостью. И вновь зацветут на ней сады, зазеленеют поля, оживут леса. Вернутся к своим очагам те, кто был изгнан. Землю эту застроят заново, и она вновь станет такой же прекрасной, какой была прежде. Даже прекрасней, чем прежде. На ней заново возведут мечети и церкви, и снова зазвучит над Карабахом азан. Да он уже и звучит там – 13 ноября в шушинской мечети Гевхар-ага впервые после 28-летнего перерыва прошел пятничный намаз...

Да, азербайджанскому народу пришлось ждать освобождения своих земель долго, очень долго. Но он все же дождался этого – дождался, когда уже многим казалось, что нет такой силы, которая могла бы изменить так охраняемый армянами и их приспешниками «статус-кво». Но такая сила нашлась. И этой силой стал азербайджанский народ, в едином порыве поддержавший своего Президента Ильхама Алиева и возглавляемую им армию.

Пусть цветет Карабах, пусть спокойно и свободно дышит освобожденная Шуша. Пусть возрадуются этому древние предки азербайджанского народа и тот идол с развязанными руками, который лежит, раскинув руки, на выбранной когда-то Мамедагой шушинской высотке.